

Когда он вернулся

19 ОКТЯБРЯ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 85 ЛЕТ АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ

реабилитированного эзика: «Я и сам живу – первый сорт! / Двадцать лет, как день, разменял. / Я в пивной сижу, словно лорд... / И даже зубы есть у меня!»

Была тут и песенка «Про маляров, истопника и теорию относительности» – это как «гады-физики на пари раскрутили шарик наоборот»: «И в то я верю, а то не верится, / Что минует та беда... / А шарик вертится и вертится – / И все время не туда!

Был «Городской романс», о «герое», бросившем любимую ради дочки крупного партбосса: «Я живу теперь в доме – чаша полная, / Даже брюки у меня – и те на молнии, / А вина у нас в доме – как из кладезя, / А сортир у нас в доме – восемь на десять».

Тут все невероятно, сказочно, былинно...

– Узнаете? – спросил Богословский.

– Неужели Саша Галич? – спросил я, не веря собственным ушам. Мы давненько не виделись, и я, выходя, пропустил переход всех его старых умений, талантов и «заготовок» в некое новое качество...

– Именно! – торжествующе подтвердил Богословский.

Интеллигентский «блатняк»

Что помогло Саше найти свой органичный сплав многих довольно неожиданных «химических элементов» слова и музыки? Пожалуй, ко всему, о чем я уже сказал, следует добавить еще одно. Я вспоминаю огромное количество вечеров, которые провели его поклонники и друзья, толпясь вокруг рояля, за которым он сидел. Да, начинал он не с гитары, а с вполне «салонного» фортепиано... Его сразу же просили спеть. А он всегда соглашался.

Что же он пел, аккомпанируя себе пока еще на рояле?

Быстро, быстро донельзя

Дни бегут, как часы.

Лягут синие рельсы

От Москвы до Чжан-Цзы.

Или:

«Подари на прощанье мне билет, / На поезд куда-нибудь... / А мне все равно – куда и зачем – / Лишь бы отправиться в путь».

Интонация прямо-таки негритянского блюза.

А потом обязательно:

Бежит речка по песочку,

бережочек моет.

Молодой жулик,

молодой жулик

начальничка молит:

«Ой, начальничек,

ключик-чайничек,

Отпусти до дому...»

«Подари на прощанье билет» – песня переводная. Саша ее обработал и приписал к ней запоминающиеся строчки. Ну, а что касается речки, которая бережочек моет, – это типично блатной напев. Евтушенко отмечал в своих стихах тех лет, что «интеллигентия поет блатные песни», а я бы добавил, что еще и сочиняет их! Подлинно блатных в репертуаре вышеупомянутой интеллигентии было очень мало. В основном присутствовал – исполнялся и сочинялся – городской романс. Например: «Кто тебя по переулкам ждал, весь дрожа и замирая в страхе...» с душераздирающим припевом: «Ну, что же – брось, жалеть не стану – я таких, как ты, всегда достану...»

Цитировать эти описания можно без конца. Галич был их образцовым и тонким знатоком. Он,

к примеру, подхватил одну из самых ранних песен Высоцкого «Их было восемь»: «В тот вечер я не пил, не ел, я на нее одну глядел...»

Время требует слуги своего

Итак, как я уже сказал, бесчисленные импровизированные концерты Саши для узкого круга, для своей компании, концерты, на которых он пел до поры до времени чужое, стали той питательной средой, из которой позже будто бы сами собой появились его собственные, галичевские песни. Острая наблюдательность, лексическая точность, черты сказа, склонность к песням-ролям и песням-спектаклям – этих свойств оказалось достаточно, чтобы песни стали опасными: он показал обществу его портрет.

Не считаю, что «новый» Галич – антипод прежнего.

«Собирался в дальнюю дорогу / Комсомольский сводный батальон...»

Советский текст, скажете вы? Но ведь вся молодежь была в комсомоле! А в годы войны мы объединялись в сводные батальоны (я сам в таком служил). Что же, Саша врал в своей песне? Ничуть.

Время требует слуги своего. Изменилось время – и Сашин талант откликнулся на эти изменения. Принято говорить о феномене Галича. А я думаю, что феноменален сам его талант. Именно ему, Галичу, а не кому-либо другому, удалось стать властителем дум наступающих новых времен.

250 метров комедии и гнева

Никита Богословский переписал для меня большую 250-метровую кассету новых песен Галича. Я сразу почувствовал, что они – разные. Во-первых – бытовые, комедийные, где отношение к жизни выражается опосредованно, через юмор, иронию. И во-вторых, песни, наполненные гражданским пафосом, по-настоящему трагические, напрямую обличительные, гневные. Прямая речь.

В первых было больше драматурга с зощенковскими интонациями; во вторых ощущалась былая Сашина романтичность времен «Города на заре», только воплотившая уже совсем иное социальное содержание.

Некоторое время я отдавал предпочтение первым, находя в них большую художественность. Но это продолжалось недолго. Появились песни столь высокого гражданского пафоса, что они просто потрясли душу:

Вот как просто

попасть в палачи.

Промолчи, промолчи,

промолчи!

Вся надежда на физиков

Мы с Галичем были соседями, поэтому и встречались нередко, но всякий раз – случайно.

Зная мое увлечение бардовской песней, он неоднократно спрашивал: «Что же ты не зовешь меня записать мои новые песни?»

А у меня уже было почти полное собрание его сочинений в магнитной записи. Я их, прости, регулярно покупал, причем старался приобретать только оригиналы. Среди них была и

заветная, где Саша пел в домашней компании и, кроме его собственного голоса, было много узнаваемых других моих друзей и знакомых. Я рассказывал ему об имеющихся у меня пленках, а он: «Все равно позови, я для тебя спою такое, чего ты еще не слышал».

Тем временем Сашина слава росла не по дням, а по часам, но и тучи над его головой сгустились. Однажды летом мы сидели в скверике у его подъезда. Я, к слову сказать, переживший уже не одно «отключение кислорода», сказал Галичу, чтобы он был поосторожнее: «Ты останешься один. Вдруг замолчит телефон, и те, кто носил тебя на руках, будут прятать глаза при встречах». «Нет, брат, – похлопал он меня по плечу. – Не те времена. Меня физики не дадут в обиду. Они меня любят. А физики, знаешь, – сила!»

Никаких прикрытий!

На одном из кинематографических семинаров в Репине, куда должен был приехать и Галич, некий большой чиновник заявил, что Саша в Академгородке под Новосибирском на бардовском фестивале выступил с «возмутительным антисоветским репертуаром». И что в Репине он теперь вряд ли проявится. Это был тот самый чиновник, который сказал: «Советская литература вышла не из шинели Гоголя, а из бурки Чапаева»...

Я понял: надежда на защиту физиков может и не оправдаться...

Сидя на скамеечке (все той же) в скверике возле Сашиного дома, я спросил его, на что он существует? Оказалось, продажей книги и вещи. Я сказал ему: «Хочешь, я тебя прикрою? У меня бывает работа на «Мосфильме» и Студии Горького». Галич ответил категорическим «нет!»

Еще недавно, он, конечно, пошел бы на такое дружеское прикрытие. Но сейчас отношение к собственному творчеству стало таким, что написать что-либо не по велению души он уже просто не мог.

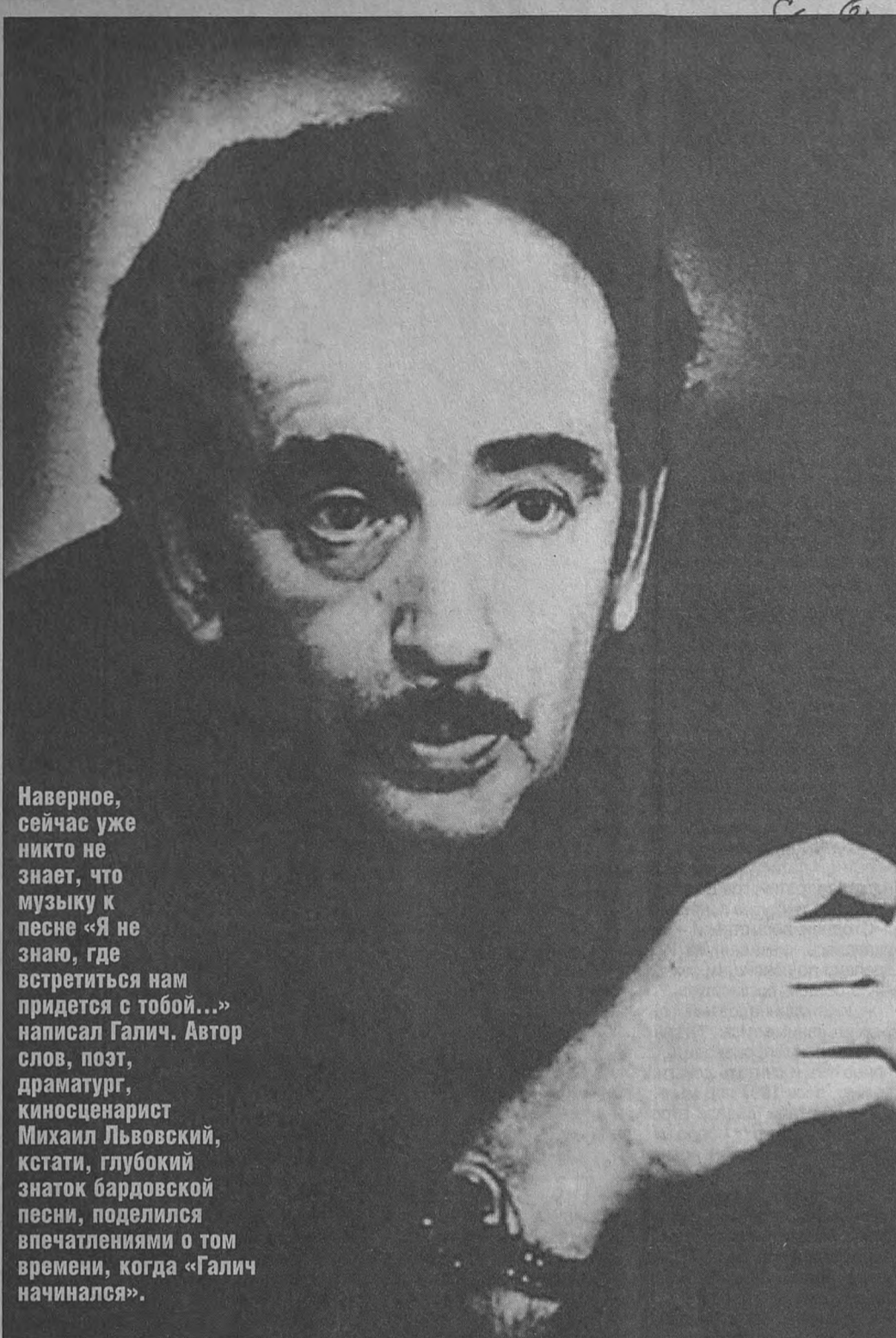
Он никогда бы не уехал

Несмотря на все, Саша не терял присутствия духа. Слушал много музыки – теперь преимущественно церковной. «Что это за пластинки?» – спросил как-то я. «Хор Большого театра... И свешниковский хор. Литургии Чайковского, Рахманинова...» В это время хор повторял фразу: «Господи, помилуй нас, помилуй нас...» Саша спросил: «Ты чувствуешь, какое слово? «Помилуй! По-ми-луй нас...»

Никогда по своей воле Саша бы не уехал. У него просто не оставалось иного выхода. Был ставился трудным и даже криминальным. Этажом ниже в нашем писательском доме, прямо подо мной, жил переводчик Константин Богатырев, человек близкий к академику Сахарову. Его убили прямо у нас в подъезде. Саша, так же, как и Богатырев, дружил с Андреем Дмитриевичем. Даже жил у него на даче. Вот, кто, оказывается, был его защитой! Вот они – физики! Теперь дружба с такими людьми не только не помогала, но становилась прямо-таки смертельно опасной...

...Так и не успел я записать Галича на свой домашний магнитофон.

Записал Аркадий ПЕТРОВ

Наверное, сейчас уже никто не знает, что музыку к песне «Я не знаю, где встретиться нам придется с тобой...» написал Галич. Автор слов, поэт, драматург, киносценарист Михаил Львовский, кстати, глубокий знаток бардовской песни, поделился впечатлениями о том времени, когда «Галич начинался».

Идеальный артист

В конце тридцатых годов меня, девятнадцатилетнего студента Литинститута имени Горького, пригласили на экзамен по художественному слову в Театральное училище имени Станиславского.

К роялю подошел высокий юноша. Он был похож на представление всех барышень мира о том, каким должен быть артист: матово-бледный, с большими, сверкающими глазами. Красив, и при этом никакой сладости – одна одухотворенность. – Куприн, «Гамбринус», – объявил молодой артист.

Когда герой «Гамбринуса», скрипач, которого тоже звали Сашкой, изувеченный погромщиками, приложил к губам свистульку-окарину и заиграл плясовую – у меня на глаза навернулись слезы. В гостиной заплотировали. Кто-то из педагогов сказал: на экзаменах аплодировать нельзя! Аплодисменты стихли. Но они возникли еще раз, когда выступление закончилось.

Ах, вот за что такая пакость!

Кроме Литинститута, у меня в Москве было еще одно место, о котором можно было бы написать в графе «образование»: театральная студия Арбузова и Плутча. Та самая, связанная со спектаклем «Город на заре», нашумевшем в предвоенные годы. Напомню, что исполнители ролей в этом спектакле сами же эти роли и сочиняли. Я, правда, пришел туда позже, когда уже был придуман и поставлен первый акт. Меня взяли в литбригаду, которая «дошлифовывала» – редактировала и направляла – авторскую деятельность исполнителей.

Однажды у нас появился Галич. Все-таки он ушел из «студии Станиславского». И куда по-

ступил? В объединение артистов-любителей, не имевшее никакого официального статуса!

Пьеса «Город на заре» – о «сталинской ударной стройке», Комсомольске-на-Амуре. В ней множество обаятельных персонажей. И вот появляется Галич – красивый, одухотворенный, интеллигентный. Кого же ему играть? А подлеца-троцкиста Льва Борщаговского! За что ж, однако, Саше такая пакость? А не будь одухотворенным, не выгляди интеллигентно! Саша действительно играл в спектакле законченного подлеца...

Прилетели птицы с юга

В «Городе на заре» было много песен. Одна народная – «Не кукуй, горька кукушечка, на осине проклятой» с припевом: «В лесу, говорят, в бору, говорят, росла, говорят, сосенка...» Была еще одна прилётная – «Вдруг из леса пара показалась, не поверил я своим глазам». Остальные песни были сочинены нами самими. «У березки мы прощались» сложили Сева Багрицкий (стихи) и студиец Баринов (мелодия). У Севы не ладилось окончание песни, и два последних куплета написал ему я. Другая песня – «Прилетели птицы с юга, на Амур пришла весна» – целиком принадлежала Галичу. После потрясающего успеха спектакля, показанного в одном из московских клубов, наш полусамодельный коллектив получил звание «Московский государственный театр-студия». Это было чудо: театры тогда больше закрывались...

Я думаю, именно с «Города на заре» и начался Галич-песенник.

«А чем вы будете развлекать классику?»

Затем – война. Студия, готовящаяся стать фронтовым театром, репетиро-

вала пьесу «Братья Ивашкины». Стихи песен к этому спектаклю написал я, музыку – Саша.

В городе Чирчике, где студия репетировала перед поездкой на Северный флот, Саша написал для спектакля «Парень из нашего города» еще три новые песни. Каждый акт симоновской пьесы начинался с одной из них.

Сейчас кое-кто пытается уколоть Галича – пишут, что после войны он стал автором развлекательных комедий типа «Вас вызывает Таймыр» или киносценариев – таких, как «Верные друзья». Но ведь написать действительно смешную и легкомысленную комедию не так-то просто. Сашины сочинения этого рода имели оглушительный успех. Поэтому и отношусь к ним с уважением.

Однажды Галич пригласил меня на спектакль «Вас вызывает Таймыр». Я прохотел все три акта. По ходу пьесы один из персонажей предлагает другому эстрадный номер не слишком высокого вкуса и получает отказ. После чего следует ехидный вопрос: «А чем вы будете развлекать классику?» Эта фраза стала шлягерной, ее все повторяли. Как и знаменитая реплика из фильма «Верные друзья», когда из переполненного зала несетя чай-то вопль: «Хабанеру давай!»

Сюрприз от Богословского

Вот я уже и заговорил о главном событии в жизни Галича. О «новом» Галиче. И его песнях.

Впервые я услышал их в записи у Никиты Богословского. Композитор с загадочным видом поставил на магнитофон катушку и нажал клавишу.

На кассете были «Красный треугольник», песня про Парамонову с ироническим хеппи-эндом: «Она выпила дюрсо, а я – перцовую за советскую семью образцовую», «Облака» – про